

довой формы (*кедра, свитра, дитя* — жен. рода, *путь* — жен. рода, *дрожь* — муж. рода), отклонения в формах числа (родительный падеж мн. числа: *куницов, вишнев, туфлов, делов, болотов, портфелов*; творительный падеж мн. числа: *с рогаткам*; более широкое распространение получила форма на *у* в родительном падеже ед. числа у существительных мужского рода: *ис с"ел"совету*); изменение существительных на *-мя* по типу второго склонения (*врем'о, им'о, вым'о*); употребление форм косвенных падежей местоимения 3-го лица с предлогами без *н* (*у его, возле ее, среди их*), наличие инфинитива на *-чи* (*п'екч"и, лекч"и*) и др. Интересны небольшие разделы, касающиеся явлений лексики, фразеологии, синтаксиса.

В диссертации Э. С. Сергеенко, написанной в целом хорошим языком, есть и

стилистические погрешности. Например, на стр. 212: «Форма *-ен* встречается в говоре в речи передовых носителей говора...». Подобные недочеты встречаются на стр. 6, 7, 52, 57, 212 и др. Неточности в отдельных случаях имеются и в транскрипционных записях. Отмечено, что в говоре звонкие шумные в абсолютном исходе оглушаются, в тексте же встречаются формы с конечным глухим, см. на стр. 263: *пек'от'е хороший хл'ен*.

По теме диссертации опубликовано достаточное количество работ, автор указывает всего девять названий. В целом следует отметить, что рецензируемая диссертация, несмотря на имеющиеся некоторые недочеты, вполне отвечает требованиям, предъявляемым к ней.

Л. П. ГРУЗОВ (Йошкар-Ола)

<https://doi.org/10.3176/lu.1970.4.16>

М. П. Трощева, Наречия в современных мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1968.

17 октября 1969 г. на Ученом совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук преподавательницей Мордовского государственного университета М. П. Трощевой на тему «Наречия в современных мордовских языках». Официальными оппонентами оценке работе дали доктор филологических наук П. Алврэ (Тарту) и кандидат филологических наук А. П. Феоктистов (Москва).

1

М. П. Трощева рассматривает в своем исследовании, насчитывающем 260 страниц машинописи, наиболее сложный и запутанный вопрос мордовских языков — проблему полного и всестороннего выявления признаков наречия как самостоятельной грамматической категории. Эта тема весьма актуальна, причем не только с позиций мордовских языков. Для изучения мордовских наречий данное исследование, несомненно, послужит прочной основой. В диссертации М. П. Трощевой приводится богатейший сравнительный языковой материал из других финно-угор-

ских языков, в частности из прибалтийско-финских, и поэтому результаты ее работы представляют интерес не только для изучающих мордовские языки, но и для более широкого круга финно-угроведов. В связи с этим следует отметить, что решение отдельных вопросов эстонского, а также других прибалтийско-финских языков в историческом аспекте непосредственно зависит от того, насколько достоверными будут результаты изучения волжских языков.

Диссертация состоит из введения, трех глав, общих выводов и списков использованной научной и художественной литературы.

В вводной части (стр. 1—22) дан краткий обзор взглядов финно-угроведов и русских лингвистов на природу такой спорной лексико-грамматической категории, как наречие, которое до конца 40-х годов XX в. учеными-мордвооведами в особую часть речи не выделялось. Здесь же определены цели и задачи диссертации, указаны источники, на которых базируется исследование М. П. Трощевой.

В первой главе (стр. 23—74) наречия классифицируются по их семантике. В результате проведенного анализа автор

делает обоснованный вывод о том, что наречия в мордовских языках образуют особую лексико-грамматическую категорию.

Вторая глава (стр. 75—196) посвящена словообразованию наречий и представляет собой наиболее существенную часть работы. Здесь даны способы образования наречий от каждой части речи отдельно. Наречия по образованию правильно распределяются на две группы: наречия, содержащие суффиксы исчезнувших падежных форм, и наречия, содержащие суффиксы современных падежных форм. Однако существенный недостаток этой главы заключается в том, что здесь многократно повторяется анализ одного и того же словообразовательного средства в разных местах. Этот анализ следовало бы провести не по частям речи, а по суффиксам и другим средствам словообразования.

В третьей главе (стр. 197—257) сделана попытка отграничить слова, относящиеся к категории состояния, от наречий в мордовских языках; отмечаются морфологические, синтаксические и семантические признаки слов категории состояния.

Работа заканчивается «Общими выводами», причем приведенные в них обобщения возражений не вызывают.

2

Хотя исследование следует признать в основном удавшимся, оно все-таки имеет известные недочеты и спорные места, без чего, видимо, и немислима работа молодого ученого в области такой сложной и запутанной проблемы, как история наречий. М. П. Трещева получила всестороннюю научную подготовку, работая в Саранске под руководством видного специалиста по мордовским языкам профессора М. Н. Коляденкова, в результате чего она свободно ориентируется в сравнительно-историческом материале финно-угорских языков, выходя в определенных случаях за пределы этих языков в индоевропеистику, преимущественно ограничиваясь при этом примерами русского языка.

В связи с этим следует указать, что положения русистики нельзя все-таки переносить безоговорочно на мордовские языки, как это делает автор работы хотя бы при изложении вопроса о формировании наречий на стр. 75—76. Методически

более оправданным было бы рассмотрение этой проблемы прежде всего в финно-угорских языках.

С точки зрения оценки содержания работы прежде всего следует указать на то, что автор диссертации не ограничивается описанием и синхронным разбором мордовских наречий, а при анализе их морфологических, синтаксических и лексических особенностей исследует эти вопросы в сравнительно-историческом плане. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что помимо изложения точек зрения других ученых, диссертант почти во всех случаях приводит и свои установки, которые свидетельствуют о знании дела и хорошей ориентировке в вопросах исследуемой проблемы.

В работе немало очень удачных моментов, которые сопровождаются верными авторскими выводами. Так, несомненно верно то, что для различения мордовских наречий недостаточно опираться лишь на их морфологические признаки (стр. 23), что категория наречия в своей основной части является хронологически более поздним образованием (стр. 75), что целый ряд мордовских наречий находится еще в состоянии становления (стр. 78). Различия между языками мокша и эрзя представлены в работе достаточно четко и наглядно. Особенно удачно описание форм субъективной оценки мордовских наречий (стр. 56). Совершенно оправданно отмеченные образования (падежные формы транслатива, аблатива и инфинитива) рассматриваются в работе особо, отдельно от других наречий. Аналогичные, по-видимому, очень древние взаимоотношения этих форм дают о себе знать и в прибалтийско-финских языках. Следует отметить, что исследование М. П. Трещевой косвенно как бы проливает свет на эту проблему в целом. Не вызывает возражений и указание на то, что в суффиксах типа *-чек* (стр. 86) конечное *к* является усилительной частицей. К сожалению, автор не углубляется в анализ происхождения самого суффикса, не рассматриваются этимологически и некоторые другие суффиксы, например, на стр. 94 суффиксы *-га*, *-ге* и ряд других. С большим знанием дела составлена глава «Наречия, образованные путем словосложения» (стр. 165 и сл.), что можно сказать в основном и относительно третьей главы, в которой автору

удалось убедительно доказать, что в конструкции *работамс стака* 'работать тяжело' инфинитив является подлежащим, а примыкающее к нему слово *стака* — наречие (как думали ранее), а имя прилагательное (стр. 216).

Совершенно особенно следует рассматривать вопрос о необходимости введения в мордовские языки еще спорного до сих пор понятия категории состояния. По мнению автора, сложилась категория состояния, объединяющая «самостоятельные неизменяемые слова, которые обозначают психическое или физическое состояние живых существ, состояние окружающей среды или природы» (стр. 197). Однако материал диссертации прямо не подтверждает эту идею. К словам категории состояния М. П. Трощева фактически отнесла имена прилагательные, выступающие в предложении в функции сказуемого. Достаточно было провести границу между наречиями, с одной стороны, и прилагательными, как и другими частями речи, с другой.

3

В диссертации имеется, кроме того, ряд положений — преимущественно этимологического характера — относительно которых у рецензента имеется или своя точка зрения, или же определенные возражения. О них и пойдет речь ниже.

На стр. 78 говорится, что процесс адвербиализации характеризует «полная формальная изоляция от других частей речи, иначе — неизменяемость слова». Поскольку в мордовских языках, как и в других финно-угорских языках, большая часть наречий имеет три падежные формы (например, мокш. *тя-са* 'здесь', *тя-ста* 'откуда', *то-в* 'туда'), это утверждение автора нельзя признать в полной мере приемлемым. Между прочим, это неверное положение находится в противоречии с приведенными на стр. 13 (3) примерами и с сопровождающими их пояснениями диссертанта.

В работе несколько упрощенно указывается на связь оканчивающихся на *-т*, *-ть* наречий (*вет* 'ночью') с аблативом (*вед'е*), и при этом автор не упоминает возможную связь с падежной формой локатива с конечным *-т*. Следы такой связи устанавливаются не только в мордовских, но и в ряде других финно-угорских языков.

Не совсем ясно, что хотела сказать автор работы приведенным на стр. 84 утверждением, согласно которому «временные наречия с суффиксами мокш. *-нда*, эрз. *-на*, *-ня* образовались одним и тем же путем». Если при этом предполагается, что в эрзянских наречиях *кизна* 'летом', *тельня* 'зимой' окончание *-на*, *-ня* не связано с локативом, то это заблуждение.

Совершенно напрасно диссертант повторно (стр. 90, 123—124) отождествляет суффиксы *-ла*, *-ло* с самостоятельным словом *пяле*, *пеле*. Аналогичные виды локативных наречий типа *ала*, *ало* (< *alna) встречаются повсюду, включая и самодийские языки. По мнению рецензента, к объяснению посредством *пяле*, *пеле* можно прибегнуть лишь в одном случае — в наречиях типа *tombale* 'по ту сторону', поскольку здесь иначе становится неясным происхождение палатализованного *l*. Для доказательства своих установок автору работы необходимо было бы объяснить, что же обусловило переход *n* в *v* в наречиях типа *товала*, *товало*, а также переход в этих наречиях *l* палатализованного в *л*, в то время как в другом наречии на заднюю гласную, а именно в *tombale*, сохраняется. Для мордовских наречий типа *товала*, *товало* в значительно большей мере доказательна прибалтийско-финская конструкция на *-k* в соответствующей им форме *täkälä-*, *sikälä-*, которую диссертант, к сожалению, не учла. Составные части этих слгсв — местоименная основа и примыкающий к ней суффикс на *-k* или *-l* (оба происходят из финно-угорского праязыка).

Рецензент считает ошибочным указание на то, что формы *козой*, *тозой* и другие восходят к образованиям *козонь* 'куда', *тозонь* 'туда' (стр. 118), так как фактически встречающемуся в них латинскому *-ñ* соответствует древний *-k*. Современный конечный *-ñ* появился в этих наречиях, по-видимому, под влиянием форм типа *сей*. Образования типа *козонь* легли в основу формирования прибалтийско-финского иллатива на *-sen*, что следовало бы отметить и в данной диссертации.

При описании образованных от числительных наречий на *-к* типа *кафт-у*, *кавто-в* 'надвое, пополам' автор не указывает на их финское соответствие *kahda'* (< *kakta-k). Вместе с тем, несомненно,

что и морд. *умок* 'давно' соответствуют эст. *ammi* и фин. *ammoin*, которые являются инструктивной формой множественного числа существительного *amma. Уточняя хронологию появления мордовских наречий *руз-кс*, *рус-кс* 'по-русски', не следует упускать из виду наличие аналогичных конструкций в прибалтийско-финских языках, например, фин. *venäjā-ksi* 'по-русски'.

Наречия *ялга*, *ялго* 'пешком' (стр. 91) вполне оправданно сравниваются автором с финским *jalkaisin* и марийским *jolān* 'пешком' формами, но не совсем верно указание на то, что в этих словах одна и та же основа, так как двусложное финское слово *jalka* отсутствует в марийском языке.

При рассмотрении суффикса типа *-цек* (стр. 84) следовало бы сравнить его с марийским суффиксом *-сек* (см. И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка II, Йошкар-Ола 1966, стр. 141 — это исследование почему-то не упоминается в перечне использованных в диссертации трудов).

В диссертации встречаются нечеткие формулировки и довольно много случаев нарушения стиля изложения. Техническая

сторона работы могла бы вообще быть более отработанной — например, хотя бы в части приведенных в оглавлении подзаголовков. В оглавлении они отсутствуют (в работе имеются), но ведь для нахождения в тексте того или иного типа наречий это было бы большим облегчением. Неплохо было бы также привести в конце работы регистр или обзорные таблицы, отражающие группировку наречий в зависимости от их суффиксации, что также облегчило бы использование материалов диссертации. Но указанные недостатки не снижают заметно качества работы.

В рецензируемой диссертации подвергнута в общем более строгой и полной систематизации вся сложная проблема адвербиализации. М. П. Трошева успешно справилась с поставленной задачей, и в результате перед нами исследование, имеющее большое значение для финно-угроведения и закладывающее прочную основу для изучения до сих пор недостаточно ясной и запутанной проблемы формирования категории наречий в мордовских языках.

ПАУЛЬ АЛВРЭ (Тарту)